

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPEENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «М.Л. И ДРУГИЕ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 25079/19 и 18570/19)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

6 апреля 2021 года

Настоящее постановление является окончательным, но может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле «М.Л. и другие против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Дариан Павли, *Председатель,*

Дмитрий Дедов,

Пеэтер Роосма, *судьи,*

и Ольга Чернышова, *заместитель Секретаря Секции,*

принимая во внимание:

жалобы (№№ 18570/19 и 25079/19) против Российской Федерации, поданные в Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») тремя не имеющими документов заявителями, которые утверждали, что являются гражданами Северной Кореи – Ф., З. и М.Л. (далее – «заявители») 5 апреля 2019 г. и 13 мая 2019 г., соответственно;

решение о направлении уведомления о жалобах властям Российской Федерации (далее – «Власти»);

решение не разглашать имена заявителей;

решение о предоставлении приоритета данным жалобам (Правило 41 Регламента Суда);

решения об установлении государству-ответчику обеспечительной меры в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, принятые 5 апреля 2019 года (18570/19) и 13 мая 2019 года (25079/19);

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 16 марта 2021 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Заявители жаловались в соответствии со ст. 2 и 3 Конвенции на риск смерти, пыток и/или жестокого обращения в случае их принудительного возвращения в Северную Корею и на то, что у них не было эффективных средств правовой защиты в отношении этих жалоб в нарушение ст. 13 Конвенции. Заявитель по жалобе № 25079/19, М.Л., также жаловался на то, что его содержание под стражей в России до высылки было нарушением ст. 5 Конвенции.

ФАКТЫ

2. Заявители, Ф., З. и М.Л., являются лицами, не имеющими документов, которые утверждают, что являются гражданами Северной Кореи, и родились в 1956, 1957 и 1955 годах, соответственно. Их интересы представляли г-жа Д. Тренина, г-н К. Жаринов и г-жа Э. Давидян, адвокаты, практикующие в Москве. На момент подачи жалобы М.Л. содержался в центре временного содержания иностранных граждан, находящемся в ведении Федеральной миграционной службы в Ордынском районе Новосибирской области.

3. Интересы властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде

по правам человека.

4. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

I. ЖАЛОБА № 18057/19 (Ф. и З.)

5. Заявители Ф. и З. не имеют действительных документов, удостоверяющих личность.

6. В октябре 2015 года и декабре 2016 года, соответственно, Ф. и З. подали заявления о предоставлении временного убежища в миграционные органы Кемеровской области, утверждая, что они прибыли в восточную часть России из Корейской Народно-Демократической Республики («КНДР») или «Северная Корея») по временным рабочим визам для неквалифицированных рабочих в 1994-1995 годах и просрочили свои визы.

7. При отсутствии у заявителей документов, удостоверяющих личность, миграционные органы Кемерово провели процедуру проверки личности и в декабре 2015 года и ноябре 2016 года, соответственно, вынесли решения о том, что идентифицировать Ф. и З. не представилось возможным. Информация об их въезде в Россию отсутствовала, и не было каких-либо доказательств, подтверждающих их утверждения.

8. 11 января 2016 г. и 7 марта 2017 г., соответственно, миграционными органами г. Кемерово было предоставлено временное убежище Ф. и З. на том основании, что, по информации Генеральной Ассамблеи ООН и МИД России, граждане Северной Кореи, которые были принудительно возвращены в страну происхождения, часто подвергались уголовным наказаниям, таким как принудительный труд или даже казнь. Временное убежище Ф. и З. ежегодно продлевалось до начала 2019 года.

9. 12 октября 2018 года Миграционное управление Министерства внутренних дел («МВД») отменило решения миграционных органов г. Кемерово о предоставлении и продлении временного убежища заявителям. Без отступления от оценки риска, с которым заявители столкнулись бы в случае их возвращения местными миграционными властями, МВД обосновало свое решение тем фактом, что заявители не имели действительных документов и не были официально идентифицированы (подпункт 1 пункта 2 статьи 17 Федерального закона № 4528-1 от 19 февраля 1993 г. – «О беженцах»). После жалоб заявителей Ордынский районный суд и Кемеровский областной суд (решениями от 24 апреля и 4 сентября 2019 года, соответственно, – последнее из них было окончательным) оставили в силе решение от 12 октября 2018 года в отношении обоих заявителей.

10. После того, как Ф. и З. подали заявления о выдаче документов, удостоверяющих личность, в порядке, установленном статьей 10(1) Закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. («Закон об иностранных гражданах») местные миграционные органы 28 и 20 февраля 2019 г., соответственно, приняли постановления о том, что личности заявителей не могут быть установлены. В отношении Ф. после исследования его отпечатков пальцев, а также сведений и ответов, полученных от соответствующих органов на запросы о предоставлении информации, а также после заслушивания свидетелей, предложенных Ф., МВД Междуреченска указало, что Ф. предоставил ложную информацию и что имели

место расхождения между информацией, предоставленной им, и информацией, полученной властями относительно личности заявителей. Что касается З., который в прошлом был несколько раз оштрафован за административные правонарушения, МВД Кемерово указало – после проверки его отпечатков пальцев, доступной информации, полученной властями относительно личности заявителей, и заслушивания свидетелей, предложенных заявителем, – что установить его личность не представилось возможным.

11. Окончательными решениями от 25 сентября 2019 года и 8 июля 2020 года Кемеровский областной суд отклонил жалобы заявителей и подтвердил, что их личность оставалась неустановленной. Областной суд добавил, что свидетели, предложенные Ф., не прояснили (i) обстоятельства его прибытия в Россию или (ii) его гражданство, поскольку они знали его под другим именем и сослались на события, которые имели место несколько лет спустя после того момента, как заявитель, по его утверждениям, прибыл в Россию.

12. Стороны не сообщили Суду о том, что было принято решение, направленное на выдворение заявителей из России или их депортацию в Северную Корею; Ф. и З. до настоящего времени оставались в России.

II. ЖАЛОБА № 25079/19 (М.Л.)

13. Заявитель, М.Л., не имеет действительных документов, удостоверяющих личность.

14. Он прибыл в Россию в июле 1993 года, получив трехлетнее разрешение на пребывание, но по истечении этого срока не покинул страну.

15. 25 апреля 2019 года заявитель был задержан сотрудниками Ордынской федеральной миграционной службы за нарушение применимых миграционных правил и помещен в местный центр содержания иностранцев.

16. 26 апреля 2019 года Ордынский районный суд Новосибирска признал заявителя виновным в нарушении миграционных правил, оштрафовал его, распорядился об его административном выдворении из России и заключил его под стражу до исполнения данного решения о выдворении. М.Л. обжаловал это постановление: в частности, он оспорил решение об его административном выдворении, попросив исключить его из постановления [о назначении административного наказания], вынесенного районным судом. Заявитель также сослался на отчеты международных организаций о положении в области прав человека в Северной Корее и рисках, с которыми там сталкиваются возвращающиеся лица. Он также утверждал, что вследствие постановления о выдворении он будет лишен свободы на неопределенный срок без периодического пересмотра его законности, что противоречит п. 4 ст. 5 Конвенции. Его жалоба была отклонена Новосибирским областным судом 27 мая 2019 года на том основании, что М.Л. ссылаясь на общий риск для возвращающихся лиц, существующий в Северной Корее (а не на свои личные обстоятельства), и что он не представил достаточных доказательств, указывающих на то, что он будет преследоваться в случае его возвращения или что к нему будет применено иное обращение, чем к другим гражданам Северной Кореи. 10 декабря 2019 года после следующей жалобы заявителя Верховный суд оставил в силе решения нижестоящей инстанции.

17. Между тем, 28 июня 2019 года Новосибирский областной суд приостановил исполнение постановления о выдворении до рассмотрения дела М.Л. Судом в Страсбурге.

18. После подачи заявления М.Л. о предоставлении статуса беженца в мае 2019 года Управление МВД по г. Новосибирску предложило ему сначала заполнить заявление об удостоверении личности, в соответствии со статьей 10.1 Закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. 16 октября 2019 года, 20 апреля, 14 июля и 19 октября 2020 года М.Л. подал заявления в местные миграционные органы с просьбой организовать процедуру установления личности. Эти заявления не принесли результата: власти поручили М.Л. завершить процедуру с помощью сотрудника миграционной службы, который прибывает в центр содержания и проинструктирует заявителя о том, как правильно заполнить соответствующую форму; однако, по словам заявителя, такой сотрудник не посещал центр содержания и после того, как он был освобожден, он заполнил форму (самостоятельно) неправильно.

19. 7 июля 2020 года Новосибирский областной суд отменил постановление о выдворении и освободил заявителя из-под стражи. Приняв во внимание (i) отсутствие информации о том, готово ли какое-либо государство принять М.Л., и (ii) бессрочное приостановление исполнения его высылки (с учетом того, что он уже провел длительный период под стражей – см. п. 17 выше), Областной суд пришел к выводу о маловероятности, что он когда-либо будет фактически выдворен, и что его дальнейшее содержание под стражей, таким образом, представляет собой нарушение его прав.

20. Стороны не сообщили Суду о том, что было принято какое-либо решение о высылке заявителя из России или о его депортации в Северную Корею; М.Л. остается в России.

ПРИМЕНЯЕМАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА

I. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

21. Применимые национальное законодательство и практика, касающиеся выдворения и содержания под стражей иностранных граждан в России, статуса беженца и временного убежища, кратко изложены в постановлении Европейского Суда от 14 февраля 2017 года по делу «С.К. против России» (S.K. v. Russia), жалоба № 52722/15, пункты 23-41, и решении Европейского Суда от 2 октября 2018 года по делу «К.Г. против России» (K.G. v. Russia), жалоба № 31084/18, пункты 18-22, Постановление № 14-П от 23 мая 2017 года Конституционного суда Российской Федерации в отношении конституционного требования о доступе к эффективному средству правовой защиты от незаконного или несоразмерного лишения свободы кратко изложено в постановлении Европейского Суда [Комитет] от 13 февраля 2018 года по делу «Мсхиладзе против России» (Mskhiladze v. Russia), жалоба № 47741/16).

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. Резолюция № 1741 Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), 22 июня 2010 г.: «Соглашения о реадмиссии – механизм возвращения нелегальных мигрантов»

22. Что касается соглашений о реадмиссии, Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) приняла Резолюцию 1741 (22 июня 2010 г.) под названием «Соглашения о реадмиссии – механизм возвращения нелегальных мигрантов». В резолюции, среди прочего, говорится, что соглашения о реадмиссии закрепляют и определяют обязательство страны по принятию обратно на свою территорию собственных граждан и устанавливают условия, при которых государства-участники таких соглашений обязаны разрешать въезд гражданам третьих стран, которые проследовали через их территорию. Они облегчают и ускоряют исполнение решений о возвращении в отношении нелегальных мигрантов, а также могут служить стимулом для стран происхождения или транзита к усилению своего миграционного контроля. Резолюция добавляет, что, в зависимости от точки зрения, соглашения о реадмиссии могут рассматриваться либо как важный элемент в стратегиях управления миграцией государств-членов Совета Европы, либо как инструмент, облегчающий принятие неоднозначных решений о возвращении, и элемент подвергающегося критике процесса «вынесения европейскими странами миграционного контроля за пределы своей территории».

23. Резолюция также подчеркивает тот факт, что стадия, на которой может возникнуть беспокойство по вопросам прав человека, обычно приходится на момент принятия решения о выдворении соответствующего лица (то есть решения о возвращении), но не на момент, когда это решение приводится в исполнение на основании соответствующего соглашения о реадмиссии – если только за истекший период ситуация в принимающей стране реадмиссии не изменилась. Однако в Резолюции признается, что существует риск того, что соглашения о реадмиссии будут прямо или косвенно создавать угрозу для прав человека нелегальных мигрантов или просителей убежища. Это, в частности, касается риска того, что направляющая или принимающая страна не выполнит свои обязательства в соответствии с (i) Женевской конвенцией о статусе беженцев (Женевская конвенция 1951 года) и Протоколом к ней 1967 года, и (ii) Европейской конвенцией о правах человека (ETS № 5), а затем использует соглашение о реадмиссии для обеспечения исполнения ошибочного решения. Процесс возвращения следует рассматривать как единое целое, в котором соглашения о реадмиссии составляют лишь один из важных элементов.

В. Соглашение о реадмиссии между Россией и Северной Кореей (и Протокол к нему)

24. Россия подписала несколько соглашений о реадмиссии с различными странами, в том числе с Европейским Союзом (2005 г.) и с некоторыми странами Центральной Азии (например, с Узбекистаном (2007 г.), Казахстаном (2012 г.) и Кыргызстаном (2012 г.). 7 августа 2017 года вступили в силу «Соглашение о передаче и приеме лиц, незаконно въехавших и незаконно пребывающих на

территории России и Северной Кореи» («Соглашение») и Протокол к нему – двусторонний договор от 2 февраля 2016 г. Соглашение предусматривает, что компетентный орган запрашивающей стороны должен направить второй стороне запрос о возвращении граждан запрашиваемой стороны, в отношении которых установлено, что они незаконно въехали или проживают на территории запрашивающей стороны. При необходимости запрашиваемая сторона должна предоставить те документы, которые необходимы ее гражданам для пересечения границы на территорию запрашиваемой стороны. Если такие документы не могут быть предоставлены запрашиваемой стороной, запрашивающая и запрашиваемая стороны договариваются о собеседовании с не имеющим документов лицом на территории запрашивающей стороны для установления его гражданства. После того, как гражданство этого лица было установлено и запрашиваемая сторона одобрила его или ее передачу, такая передача должна быть осуществлена в течение тридцати дней, если не согласовано иное.

25. В Протоколе к Соглашению указываются: компетентные органы; содержание и порядок направления запроса о (i) передаче и приеме или (ii) транзите; приемлемые доказательства того, что соответствующее лицо имеет (или могло бы иметь) гражданство запрашиваемой стороны (например, документы, удостоверяющие личность, свидетельские показания и результаты вышеупомянутого собеседования); проведение собеседования с соответствующим лицом (в присутствии представителей запрашиваемой стороны); и порядок передачи и приема (в том числе лиц, находящихся под сопровождением).

С. Соответствующие материалы международных органов по вопросу ситуации в Северной Корее

26. В докладе Комиссии по расследованию положения в области прав человека в КНДР, подготовленном Советом ООН по правам человека (СПЧ) и представленном на его двадцать пятой сессии (состоявшейся в 2014 году), сделан вывод о том, что учреждениями и должностными лицами КНДР были совершены систематические, широко распространенные и грубые нарушения прав человека. Во многих случаях эти нарушения представляют собой преступления против человечности. В докладе подчеркивается тот факт, что лица, принудительно репатриированные из Китая, как правило, подвергались пыткам, произвольному содержанию под стражей, казням без надлежащего судебного разбирательства, принудительным абортam и другим формам сексуального насилия.

27. В нескольких докладах, представленных Специальным докладчиком ООН по вопросу о положении в области прав человека в КНДР, среди прочего, содержится призыв в адрес КНДР воздерживаться от применения каких-либо мер наказания или возмездия в отношении насильственно репатриированных лиц (Генеральная Ассамблея ООН А/72/394, 18 сентября 2017 г.) и – с особым вниманием к беженцам в Китай – отмечено, что есть серьезные основания полагать, что такие лица будут подвергнуты пыткам или другим серьезным нарушениям прав человека в случае их возвращения в КНДР (СПЧ, А/HRC/43/54, 25 февраля 2020 года).

28. Отчет Управления Верховного комиссара ООН по правам человека был опубликован 28 июля 2020 года, в соответствии с резолюцией СПЧ 25/25,

относительно утверждений о нарушениях прав человека, совершенных в отношении женщин, которые были задержаны после их принудительного возвращения в КНДР. В докладе государствам-членам ООН рекомендовано придерживаться принципа невыдворения, не возвращая в КНДР лиц, подвергающихся риску серьезных нарушений прав человека, включая репрессии за реальные или предполагаемые политические взгляды. В отчете также содержится призыв в адрес КНДР обеспечить, чтобы лица, возвращающиеся или репатрируемые в эту страну, пользовались полным спектром прав человека и не подвергались тюремному заключению или другим формам наказания, в том числе, за незаконное пересечение границы.

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

29. Принимая во внимание схожий предмет жалоб, Европейский Суд считает целесообразным рассмотреть их совместно в рамках одного постановления.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 2, 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ВСЕХ ЗАЯВИТЕЛЕЙ

30. Заявители жаловались в соответствии со статьями 2, 3 и 13 Конвенции, что в случае их принудительного возвращения в Северную Корею они будут подвержены риску смерти или пыток и/или жестокого обращения, и что у них не было эффективных средств правовой защиты в отношении данных жалоб.

31. Власти сослались на соответствующие факты и заявили, что нарушение вышеупомянутых положений отсутствовало и что заявители имели (и до сих пор имеют) в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты в отношении своих жалоб. Что касается М.Л., власти подчеркнули, что заявитель не исчерпал доступные внутренние средства правовой защиты, поскольку он не выполнил требования статьи 10.1 Закона об иностранных гражданах, то есть он не установил свою личность.

32. Заявители оспаривали эти доводы, ссылаясь на вышеупомянутые отчеты международных органов и утверждая, что существование риска смерти или жестокого обращения неоднократно подтверждалось национальными судами в отношении заявителей Ф. и З. до того момента, как предоставление им временного убежища было в конечном итоге отменено по формальным основаниям, связанным с тем, что их личность не была установлена. Что касается М.Л., предполагаемый риск (смерти от жестокого обращения) не был рассмотрен во время процедуры выдворения. В отношении всех заявителей власти не проявили достаточного усердия в попытках установить их личности. Процедура идентификации может занять до трех месяцев, и только в случае успеха может быть начата процедура временного убежища. В случае, если личности заявителей не будут установлены, риск их высылки останется – либо на основании Соглашения (которое предусматривало возможность установления их личности северокорейскими властями до их реадмиссии в КНДР), или, в качестве

альтернативы, на основании обычной процедурой депортации, обусловленной тем фактом, что их текущее пребывание в России было незаконным.

33. Суд принял к сведению возражение властей относительно неисчерпания внутренних средств правовой защиты со стороны М.Л., но считает нецелесообразным рассматривать его, поскольку Суд не продолжает рассмотрение таких жалоб, как поданные заявителями, по следующим причинам.

34. В отношении М.Л. Суд отмечает, что решением от 7 июля 2020 года Новосибирский областной суд отменил постановление о его выдворении и освободил его из-под стражи, отметив отсутствие какой-либо информации о готовности какого-либо государства принять его, а также отсутствие какой-либо реальной возможности направить М.Л. за пределы России. Что касается Ф. и З., то соответствующие органы не принимали постановлений или решений, направленных на их выдворение или депортацию.

35. Суду известно, что миграционный статус заявителей не был оформлен в официальном порядке. В связи с этим, заявители, как правило, обязаны покинуть Россию добровольно; если они этого не сделают, они столкнутся с риском депортации, но Суд в отношении аналогичных обстоятельств уже указывал, что вышеизложенное не обязательно означает, что выдворение заявителя является неизбежным и неминуемым. В соответствии с российским законодательством перед высылкой иностранца должно быть вынесено конкретное решение о выдворении иностранца из страны – например, постановление о выдаче, решение о наложении наказания в виде административного выдворения за административное правонарушение или постановление о нежелательности его нахождения в России, предписывающее его депортацию; любое подобное решение о высылке может быть оспорено (см. постановление Европейского Суда от 10 мая 2016 года по делу «А.Р. против России» (A.R. v. Russia), жалоба № 25923/15, пункт 57, и решение Европейского Суда от 20 ноября 2018 года по делу «Разигдад против России» (Razigdad v. Russia) [Комитет], жалоба № 30764/13, пункт 38; также в сравнении – постановление Европейского Суда от 29 октября 2015 года по делу «А.Л. (Х.В.) против России» (A.L. (X.W.) v. Russia), жалоба № 44095/14, пункт 65, в котором рассматривалось принятие постановления о выдворении, поскольку присутствие заявителя в России было признано нежелательным, и в постановлении прямо упоминалась депортация). Однако до настоящего времени такого решения в отношении заявителей принято не было; фактически, они даже не были идентифицированы как граждане Северной Кореи (что повысило бы риск их высылки в эту страну).

36. Суд принимает к сведению довод заявителей о том, что как установление их личности, так и их высылка могут, в соответствии с Соглашением, происходить за пределами правовых рамок, описанных выше, – при необходимости, при содействии властей Северной Кореи. Хотя Суд, в свете доступной информации из международных источников, с особой обеспокоенностью отмечает, что Соглашение (подписанное со страной с плохими показателями в области защиты прав человека) разрешает репатриацию незаконно мигрировавших граждан Северной Кореи, он должен оценить, имеются ли в рассматриваемых случаях достаточные элементы, указывающие на реальный риск того, что заявители действительно будут высланы на основании Соглашения.

37. Суд отмечает, что существование таких соглашений о реадмиссии, которые

обычно способствуют исполнению решений о высылке и обычно носят технический характер, широко распространено как в России, так и в других европейских странах. Процесс возвращения следует рассматривать как единое целое, одним из важных элементов которого являются соглашения о реадмиссии (см. пункт 23 выше). Отсутствие конкретных процессуальных гарантий в их положениях не обязательно означает, что такие соглашения существуют независимо от обычных процедур принятия решений в отношении выдворения или депортации.

38. Суд отмечает, что заявители не представили соответствующих, недавних, последовательных примеров и отчетов относительно выдворения Россией – исключительно на основании Соглашения – граждан Северной Кореи, незаконно находящихся на территории России. Более того, Суд отмечает, что в отношении Ф. и З. в течение нескольких месяцев между отменой решений о предоставлении заявителям временного убежища и датой, в которую были назначены обеспечительные меры, российскими властями не было предпринято никаких конкретных действий по высылке заявителей, а тем более по передаче их северокорейским консульским органам с целью установления их личности и принудительной высылки. Что касается М.Л., то у Суда нет оснований сомневаться в замечании, сделанном Новосибирским областным судом в его решении от 7 июля 2020 года в отношении отсутствия информации о том, было ли готово какое-либо государство принять заявителя.

39. В свете обстоятельств, послуживших основанием для настоящих дел, Суд не считает, что действия, предпринятые властями до настоящего времени, позволяют ему сделать вывод или обоснованно предположить, что заявители подвержены риску высылки в соответствии с обычными процедурами выдворения или депортации (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление «А.Р. против России», пункт 59).

40. Суд подчеркивает тот факт, что при аналогичных обстоятельствах, когда заявителю не было предоставлено разрешение на пребывание, он, тем не менее, в силу пункта 1 (с) статьи 37 Конвенции счел нецелесообразным дальнейшее продолжение рассмотрения его или ее дела, и решил исключить его из списка дел, подлежащих рассмотрению. Это произошло потому, что (i) как было ясно из информации, доступной на момент принятия этого решения (и в течение значительного времени после этого), заявитель не подвергался (и не был подвержен в будущем) риску быть высланным и подвергнутым обращению предположительно в нарушение ст. 3 Конвенции, и (ii) заявитель мог оспорить в национальных органах власти любое постановление о выдворении, принятое впоследствии (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда «по делу Ф.Г. против Швеции» (*F.G. v. Sweden*), жалоба № 43611/11, пункт 74, ECHR 2016, с дальнейшими ссылками, и постановление Европейского Суда [Комитет] от 12 декабря 2017 года по делу «М.С.А. против России» (*M.S.A. v. Russia*), жалобы № 29957/14 и 8 других, пункты 32-33.). Суд отмечает, что ситуация Ф., З. и М.Л. во многом аналогична ситуации в делах, упомянутых выше. Нет никаких указаний на то, что заявители не смогут оспорить решение о высылке. Кроме того, Суд отмечает, что невозможность властей установить личность заявителей – либо в основном по формальным причинам (М.Л.), либо из-за отсутствия доказательств, подтвержденных в судебном разбирательстве (Ф. и З.), –

представляет собой в настоящее время дополнительное препятствие для исполнения любого решения о высылке, которое может быть принято.

41. Суд считает, что более нецелесообразно продолжать рассмотрение вышеуказанных жалоб в той части, в которой они относятся к жалобам заявителей в соответствии со ст. 2 и 3 Конвенции в отношении предполагаемого риска смерти и/или жестокого обращения и тесно связанных с ними жалоб по ст. 13 Конвенции. Кроме того, Суд удовлетворен тем, что соблюдение прав человека, как они определены в Конвенции и Протоколах к ней, не требует от него продолжения рассмотрения этой части жалоб (пункт 1 статьи 37 *in fine*; в сравнение – дело «Ф.Г. против Швеции», упомянутое выше, пункты 80-83). Соответственно, и с учетом поданных жалоб, Суд постановляет исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобу № 18570/19 в полном объеме и жалобу № 25079/19 в части, касающейся жалоб на [риск] смерти и/или жестокого обращения в случае выдворения М.Л. в Северную Корею и предполагаемое отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении этих утверждений.

42. Вышеуказанные выводы не препятствуют заявителям подать новые жалобы в Суд в будущем и использовать имеющиеся процедуры, в том числе указанные в Правиле 39 Регламента Суда, в отношении каких-либо новых обстоятельств.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ М.Л.

43. М.Л. также жаловался на то, что его содержание под стражей в ожидании процедуры выдворения было несовместимо с конвенционными требованиями с точки зрения предсказуемости продолжительности такого содержания под стражей, и что он не имел доступа к эффективному судебному пересмотру его содержания под стражей. Он ссылаясь на пункт 1 (f) статьи 5 и пункт 4 статьи 5 Конвенции. Соответствующие части статьи 5 Конвенции гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным...»

А. Приемлемость

44. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 (а) статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо

45. М.Л. ссылался на нарушения, которые Суд установил в делах «Азимов против России» (Azimov v. Russia) (жалоба № 67474/11, пункты 152 и 171-173, 18 апреля 2013 года), «Ким против России» (Kim v. Russia) (жалоба № 44260/13, пункты 41-57, 17 июля 2014 года) и «А.Н. и другие против России» (A.N. and Others v. Russia) [Комитет], (жалоба № 61689/16 и 3 других, пункт 34, 23 октября 2018 года). Он утверждал, что его содержание под стражей в ожидании выдворения стало произвольным ввиду его чрезмерной продолжительности и что российское законодательство не предусматривает периодического и быстрого судебного пересмотра законности такого содержания под стражей. М.Л. утверждал, что содержание под стражей было обусловлено выдворением, и что его жалоба на постановление Ордынского районного суда от 26 апреля 2019 года непосредственно касалась как его высылки, так и помещения под стражу. Более того, жалоба на первоначальное применение в отношении него заключения под стражу не была бы эффективным средством правовой защиты, учитывая, что жалобы, поданные в Суд, касались увеличения продолжительности содержания под стражей и невозможности после первоначального этапа обеспечить пересмотр его законности или освобождение.

46. Власти оспорили утверждение заявителя, указав, что помещение М.Л. под стражу производилось в соответствии с постановлением Ордынского районного суда от 26 апреля 2019 года, в котором были учтены все имеющиеся доказательства. Власти отметили, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит требования об установлении национальным судом срока содержания под стражей иностранного гражданина в ожидании административного выдворения. Они ссылались на установленный законом максимальный двухлетний срок содержания под стражей с даты вступления в законную силу решения о наложении административного наказания (ст. 31.9 Кодекса об административных правонарушениях) и на постановление № 14-П от 23 мая 2017 г. Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, Власти указали, что заявитель не воспользовался возможностью обжаловать постановление о заключении под стражу, когда он обратился с жалобой на постановление Ордынского районного суда от 26 апреля 2019 года.

47. Суд повторяет, что любое лишение свободы в соответствии со второй частью пункта 1 (f) статьи 5 Конвенции будет оправдано только до тех пор, пока продолжается процедура депортации или экстрадиции. Если такая процедура не будет проведена своевременно, содержание под стражей перестанет быть допустимым в соответствии с пунктом 1 (f) статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 15 октября 2015 года по делу «Л.М. и другие против России» (L.M. and Others v. Russia), жалобы №№ 40081/14 и 2 других, пункт 146). Чтобы содержание под стражей не было определено как произвольное, оно должно на основании пункта 1(f) статьи 5 Конвенции осуществляться в духе добросовестности; должно быть тесно связано с его основанием содержания под стражей, на которое ссылаются Власти; а продолжительность содержания под стражей не должна превышать разумно требуемую для преследуемой цели (там же). Национальные органы власти обязаны рассмотреть вопрос о том, является ли высылка реальной перспективой и является ли содержание под стражей с целью

высылки оправданным с самого начала или продолжает быть таковым (постановление Европейского Суда от 25 июня 2019 года по делу «Аль Хусин против Боснии и Герцеговины» (№ 2) (Al Husin v. Bosnia and Herzegovina (no. 2)), жалоба № 10112/16, пункт 98).

48. Принимая во внимание информацию, представленную сторонами, Суд приходит к выводу, что сначала М.Л. был задержан за нарушение иммиграционных правил с целью его выдворения, и его содержание под стражей предположительно было первоначально осуществлено в духе добросовестности и в соответствии с пунктом 1 (f) статьи 5 Конвенции. Таким образом, что касается довода властей о том, что М.Л. не оспорил явным образом решение о заключении под стражу, когда он обжаловал постановление Ордынского районного суда от 26 апреля 2019 года, Суд не видит, как такая жалоба могла быть эффективным средством правовой защиты, когда, как указывал заявитель, содержание под стражей стало необоснованным на более позднем этапе. Кроме того, в своей жалобе заявитель жаловался на то, что он был лишен свободы на неопределенный срок без периодической проверки этого на законность.

49. Суд отмечает, что срок содержания под стражей М.Л. составил более четырнадцати месяцев. Соответственно, по мнению Суда и с учетом его выводов о повторяющихся нарушениях ст. 5 Конвенции в отношении иностранцев, задержанных в России с целью их административного выдворения (см. вышеупомянутые дела «Л.М. и другие против России», пункты 141-42 и 149-52, и «С.К. против России», пункты 108-09 и пункт 116), срок содержания под стражей М.Л. превысил разумно необходимый предел для преследуемой цели – тем более, что он был мигрантом, не имеющим документов, и попытки установить его личность с целью определения государства, желающего принять его, по-видимому, не удалось на самом раннем административном этапе. Кроме того, опять же, представляется, что М.Л. не имел доступа к периодическому судебному пересмотру его продолжающегося содержания под стражей в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

50. Соответственно, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 1 (f) статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТ. 41 КОНВЕНЦИИ

51. Ст. 41 Конвенции гласит:

«Если Суд сочтет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

52. Заявитель М.Л. потребовал 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда, понесенного в результате незаконного и чрезмерно длительного содержания его под стражей в ожидании выдворения и его страха быть возвращенным в Северную Корею и подвергнуться там жестокому обращению, а также в результате отсутствия какого-либо эффективного средства правовой защиты.

53. Власти заявили, что в случае присуждения компенсации должна применяться статья 41 Конвенции в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Суда.

54. Что касается установления факта нарушения пункта 1 (f) статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции, Суд считает, что М.Л. понес моральный ущерб, который не может быть возмещен исключительно путем установления факта нарушения, и поэтому должна быть присуждена компенсация. Произведя оценку на справедливой основе, как того требует статья 41 Конвенции, Суд присуждает сумму в размере 3 900 евро в этом отношении плюс любой налог, который может взиматься с этой суммы.

В. Расходы и издержки

55. М.Л. также потребовал 1 200 евро, 720 евро и 1 080 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в национальных судах и в Суде его представителями, г-жой Трениной, г-ном Жариновым и г-жой Давидян, соответственно.

56. Власти обращают внимание Суда на то, что заявитель не представил копий каких-либо договоров об оказании юридических услуг, заключенных между ним и его представителями.

57. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той части, в которой продемонстрировано, что они действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Суд отмечает правовую работу, проделанную представителями М.Л., которая частично касалась жалоб, признанных Судом приемлемыми. Принимая во внимание документы, находящиеся в его распоряжении, и вышеупомянутые критерии, Суд считает разумным частично удовлетворить данное требование и присудить в этом отношении 800 евро, 540 евро и 790 евро г-же Трениной, г-ну Жаринову и г-же Давидян, соответственно. В соответствии с просьбой, эти выплаты должны быть произведены непосредственно на соответствующие банковские счета представителей М.Л., которые будут ими указаны.

V. ПРИМЕНЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ ПО ПРАВИЛУ 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

58. 5 апреля 2019 года (в отношении Ф. и З.) и 13 мая 2019 года (в отношении М.Л.) Суд в соответствии с правилом 39 Регламента Суда указал государству-ответчику, что заявители не должны быть высланы из России в Северную Корею на время разбирательства в Суде.

59. В этой связи Суд повторяет, что в соответствии с пунктом 2 статьи 28 Конвенции настоящее постановление является окончательным.

60. Соответственно, Суд считает, что меры, указанные властям в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, прекратили свое действие.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Решил* объединить жалобы в одно производство;
2. *Решил* исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобу Ф. и З. и жалобу М.Л., которая касается жалоб в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в отношении риска смерти и/или жестокого обращения в случае высылки заявителя из России в Северную Корею и предполагаемого отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении этих жалоб в соответствии со ст. 13 Конвенции;
3. *Объявил* жалобу в соответствии с пунктом 1 (f) статьи 5 и пунктом 4 статьи 5 Конвенции в отношении М.Л. приемлемой;
4. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 1 (f) статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении М.Л.;
5. *Постановил*:
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить в течение трех месяцев следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты:
 - (i) 3 900 евро (три тысячи девятьсот евро) плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации М.Л. морального вреда;
 - (ii) 800 евро (восемьсот евро), 540 евро (пятьсот сорок евро) и 790 евро (семьсот девяносто евро), соответственно, плюс любой налог, который может взиматься, непосредственно на банковские счета представителей М.Л. (г-жи Трениной, г-на Жаринова и г-жи Давидян) в качестве компенсации расходов и издержек;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта.
6. *Отклонил* остальные требования заявителя в отношении справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 6 апреля 2021 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря Секции

Дариан Павли
Председатель